

эпизод и сцена (Примечание к сценарию
„Сев. и шибур“). - 1990. - в сб. (№ 36) - с. 8-9

Эс

Владимир МОТЫЛЬ

ЩЕДРОСТЬ

НИ УЧИТЬСЯ у Ромма, ни работать в его объединении на «Мосфильме» мне не довелось. Я встретился с этим на всю жизнь поразившим меня человеком один-единственный раз. Но встреча эта оставила в душе такой след, что не рассказать о ней я не могу. И дело не только в том, чем она явилась лично для меня. Я хочу рассказать о случае, в котором проявилось, на мой взгляд, нечто существенное для постижения человеческой сути Михаила Ильича Ромма.

Летом 1960 года, когда жизнь поставила передо мной мучительную дилемму, мне посоветовали обратиться к Ромму. Не будучи с ним знаком и ему представлен, я решил позвонить к нему домой. Меня не спрашивали, кто звонит, а ответили сразу, что Михаил Ильич дома. Это был необычный ответ, и все-таки, ожидая у трубки, я готов был ко всему: позвоните через день, неделку, в конце месяца...

Выслушав меня, Ромм спросил:

— Вы далеко?

Я ответил.

— Хотите — приезжайте сейчас.

Он назвал адрес и объяснил, как проехать.

Как? Вот так сразу, в тот же вечер и в тот же час?

Тон разговора, простота меня обескуражили. Мелькнула мысль, а не принял ли я за кого-то другого...

Едва войдя, я почувствовал, что у хозяина дома напряженнейшая пора. Не только ритм самого, что ли, существования Ромма, стол в его кабинете был перенасыщен, завален, хотя слово неточное — беспорядка не было. Стопы книг с закладками. Рукописные, машинописные кипы... Позже я узнал, что Ромм активно готовился к «Девяти дням одного года», первому после многолетней паузы фильму, фильму для него поворотному. Тогда же я лишь подумал, что приход мой не очень кстати.

Стараясь быть кратким, я изложил просьбу — разрешить мне, человеку «христового возраста», экзамноваться у Ромма для поступления на его курс во ВГИК. Он задал несколько вопросов, выясняя, что я окончил, где работал, чем занимался. Узнав, что за моей спиной два института, Ромм стал стреми-

тельно удаляться от темы разговора, с которым я к нему пришел. Я не заметил, как это случилось, но постепенно был превращен им из просителя в равноправного собеседника.

От спектаклей, пьес, актеров мы перешли на современные фильмы, потом — к жизни молодежи, к событиям тех лет... Давно истек «регламент», который я назвал по телефону. С моего прихода прошло около полутора часов, пока, спохватившись, Ромм вернулся к моей просьбе.

— Я могу принять вас на курс. Но вы потеряете годы. Годы! Не лучше ли начать. Начать самостоятельную работу. Пускай на скромной киностудии, пускай сценарий будет далеким от совершенства, хорошие не валяются, — беритесь! Если есть что сказать, обязательно проступит. В любом драматургическом материале. Богатство, когда оно есть, если вы художник, обнаружится. Только один совет. Постарайтесь в первом фильме больше снять природы. Для первого фильма это очень важно. Сама натура многое подскажет. Для вас это важно еще и потому, что вы работали в театре. Натура поможет достоверности, правде, точности.

Уже провожая меня, Ромм сказал:

— Чтобы научиться ездить на лошади, надо поскорее на нее сесть. Впрочем, если не переубедил, приходите ко мне во ВГИК.

Он переубедил.

Кто-то из древних сказал, что трижды помог тот, кто помог быстро. Получив вскоре очередной сценарий, который до встречи с Роммом я, быть может, не дочитал бы до конца, я согласился взяться за постановку, к которой приступил в конце того же 1960 года. Потом сценарий не раз переписывался. Был привлечен новый автор и т. д. Ромм сделал главное: он подтолкнул и благословил старт.

И одним из сопутствующих моему решению обстоятельством было то, что действие сценария целиком разворачивалось на природе.

Это поразительное свойство — умение и желание распахнуть сердце впервые встретившемуся человеку и распахнуть так щедро, что полтора часа, подаренные им, стали событием в человеческой судьбе.